

МАРИЯ ЖИГАЛОВА, БРЕСТ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТИНЫ МИРА
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТОВСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ
(НА ПРИМЕРЕ Ю.БАЛТРУШАЙТИСА, М.БОГДАНОВИЧА И Н.МАТЯШ)**

Słowa kluczowe: kultura bizantyjska, Litwa, Białoruś, literatura

Давно замечено, что Византия¹ лежит у истоков русской цивилизации. Если выразить это более афористично, то русская цивилизация пыталась всегда реализовать себя как некая разновидность Византии. Поэтому для людей русской культуры совершенно естественно, так или иначе, соотносить себя с этим образом. А значит, речь идет о чем-то, что очень глубоко повлияло на развитие русской цивилизации, маркировало её. И тогда вполне естественно встаёт вопрос о значении русской культурной традиции в литературе, которая, безусловно, является для нас не просто прошлым, но и символом трансформации картины мира настоящего.

Известно, что для византийского искусства была характерна индивидуальность художественного мышления, т.е. стремление «набирать» произведение из стереотипных элементов, а также высокая степень философско-религиозного символизма и строгая каноничность. Христианство сразу стало носителем новой этики в связи с новым пониманием человека и его места в мире. Считалось, что борьбу со злом необходимо вести иным способом, чем было принято раньше: преодолеть зло можно только через увеличение добра. И самая активная сила в этом процессе – это любовь! Хотя идеал всепоглощающей любви возник и сформировался еще в позднеантичном мире, но в своем завершённом виде появился лишь в рамках христианского сознания. Поскольку в центре внимания христианского мировоззрения стоял человек, его очищение, преображение и спасение, то и в основу картины мира образа-персонажа в художественном произведении были положены именно эти качества.

Известно, что картина мира как явление культуры, не просто объективно отражает реальность в её сущностных проявлениях и связях, но благодаря активности

¹ Как известно, термин «Византия» не был распространен в самой этой империи ромеев, которую обычно принято сейчас называть Византией. Более того, наши предки в древнерусской литературе, как правило, не употребляли это название. Они говорили, поехать к грекам. Греки, греческий город, либо употребляли название Царьград. В крайнем случае, говорили, царство греческое.

человека обретает духовное, нравственное и ценностное значение. Это помогает носителю культуры выразить разнообразие его отношений к миру. Поэтому картина мира существует всегда как явление культуры и человеческого сознания. А значит, она может быть передана и усвоена в системе различных знаний, норм, образцов и знаков в разных отраслях науки, в том числе и в гуманитарных, а значит, и в художественных произведениях. Таким образом, художественное творчество каждого писателя является своеобразным трансформатором картины мира и опыта предшествующих поколений.

Заметим, что в сознании отдельного читателя картина мира может существовать как некая разновидность виртуальной реальности. Поэтому вопрос формирования картины мира читателя и сегодня актуален, так как он по-прежнему решает проблему соотношения реального и виртуального, этнического и общечеловеческого в сознании людей определённой эпохи.

И в этой связи художественное творчество как литовских, так и белорусских поэтов не исключение. Оно является своеобразным средством трансформации картины мира, поражающей читателя-современника своим вселенским размахом и глубиной. Как верно заметил Ю.Лотман, «поэтический мир – это модель реального мира, но соотносится с ним чрезвычайно сложным образом. Поэтический текст – мощный и глубоко диалектический механизм поиска истины, истолкования окружающего мира и ориентировки в нём»². Чтобы понять, какая картина мира представлена в творчестве литовских и белорусских художников слова, и какое место в ней занимает византийская культура, обратимся к жизни и творчеству Ю.Балтрушайтиса, М.Богдановича, Н.Матяш, в судьбе и творчестве которых так переплелись разные культуры.

Небольшое поэтическое наследие удивительно своеобразного поэта Юргаса Балтрушайтиса (1873-1944) двуязычно. Он опубликовал на русском языке 411 стихотворений [13]. Два сборника его стихотворений на русском языке «Земные Ступени» (1911), «Горная Тропа» (1912) вышли при жизни, а третий – «Лилия и Серп» был издан в Париже (1948) уже после смерти.

Литовец по происхождению, он внёс значительный вклад в русскую культуру, так как долгое время писал исключительно на русском языке, в то время как возвращение к родному литовскому языку было у него сложным и долгим. До революции издательская работа в «Скорпионе» и переводческая деятельность, а в послевоенной России – дипломатическая служба и внутренние обстоятельства жизни страны не располагали Ю.Балтрушайтиса к поэтическому творчеству. С момента признания Литвы независимым государством (1919 г.) Юргис Казимирович

² Ю. М. Лотман, *Анализ поэтического текста*// Лотман Ю.М.О поэтах и поэзии/ Ю.М. Лотман. – СПб., 2001.

назначается представителем Литвы, как полномочный Министр и чрезвычайный посланник в России, а в апреле 1939 года Литовское правительство переводит его в Париж, с сохранением звания министра³. Ю. Балтрушайтис, не скрывая, признаётся в том, что своей родиной считает Россию. До самого отъезда он поддерживал отношения с дочерью своего друга К. Бальмонта⁴. Вот что вспоминает Н. К. Бруни-Бальмонт в беседе с В. Д. Дувакиным: «...Я с ним общалась до 1937 года, когда он уехал...**В. Д.:** В Литву к себе? **Н. К.:** В Париж. Причём, он очень не хотел уезжать. Но вышел лимитный... лимитный возраст уже был, ему нужно было уезжать... Мария Ивановна страшно мечтала жить со своим сыном Жоржиком и со своим внуком Ванечкой, показывала мне без конца его фотографии все... и очень мечтала... А он не хотел. **В. Д.:** Он хотел остаться в России? **Н. К.:** Он хотел остаться в России. Вы знаете, он прощался со мной и с моим мужем, мы были приглашены на обед за несколько дней до их отъезда, и он был подавлен, он чуть не плакал, когда прощался со мной. **В. Д.:** Ой, как интересно, значит, он всё-таки чувствовал себя... а Россию своей Родиной? **Н. К.:** Да, конечно. Всегда!»⁵. «С сентября 1939 года, с начала войны, отношения с Литвой затруднились, и Ю.К. Балтрушайтис всецело отдался литературе, работал над книгой стихов “Лилия и Серп”, задуманной им ещё в 1913 году. Он писал её во время своей дипломатической деятельности...»⁶, но издана она была его женой. По воспоминаниям Бориса Зайцева, «Мария Ивановна вполне погрузилась в рукописи и письма. Всё сошлось на писаниях “Юргиса”... Её заботами, трудами и любовью издан лежащий передо мной том: “Лилия и Серп” – белая с голубым гербом изящная обложка. Под ней избранные стихи Балтрушайтиса за много лет... с надписью Марии Ивановны, начинавшейся словами: “Привет от Юргиса...”»⁷.

Балтрушайтис умер 3 января 1944 года, похоронен на кладбище в Монруж под Парижем.

Сегодня творчество поэта-символиста Юргаса Балтрушайтиса знают не только в Литве, в России, Беларуси, Франции, а во многих странах мира, где его переводят и издают. Среди исследователей его поэзии – труды В. Дауэтите, А. Туркова, И. Семибратовой и др. Однако многое в творчестве поэта по-прежнему остаётся за рамками исследований, особенно философская лирика, на значимость которой и сам поэт указывал неоднократно: «Я пишу только то, что является глубочайшей внутренней необходимостью»⁸. Как истинный поэт-философ он предпочитал многословие

³ Ю. Будрайтис, *К 125-летию со дня рождения Ю. Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии.* / Ю. Будрайтис. – М.: «Дом Балтрушайтиса – Культурный центр, г. Москва» 1999.

⁴ Ю. Балтрушайтис, *О внутреннем пути Бальмонта* // Заветы, 1914, Кн. VI, С. 62-68.

⁵ Отдел устной истории. МГУ им. М. В. Ломоносова. Научная библиотека. (Фонд был создан В.Д. Дувакиным в 1967 году): а – беседы с Н.К. Бруни-Бальмонт, 1969, кассеты 83, 84, 101, 126, 127.

⁶ Ю. Балтрушайтис, *Лилия и Серп*, Третья книга стихов. – Париж 1948.

⁷ Б.К. Зайцев, *Далёкое. О любви:* (Балтрушайтис) // Б.К. Зайцев, Сочинения в трёх томах. Т. 3. – М., 1993, с. 442, 444.

⁸ Ю. Балтрушайтис, *Дерево в огне* / Ю. Балтрушайтис. – Вильнюс 1983, с. 118.

молчание. Он говорил о себе: «Я являюсь созданием периодического молчания, которое, по-моему, обязательно каждому поэту. Молчание не есть пустая трата времени. Молчание – внутренний труд, время формирования и возвращения мысли...»⁹.

Философская лирика поэта – это серьёзные раздумья о смысле жизни, счастье, законах человеческого бытия, сиюминутном и вечном, о сложности человеческих отношений:

*И труден путь над бездной
К неземному краю,
К вечной тайне звёздной
Руки простираю*¹⁰

В философской лирике читатель чувствует «высоту духа и природу помыслов поэта»¹¹. Он понимает, что мир Балтрушайтиса – это своеобразный мир, поражающий в первую очередь вселенским размахом. Он ощущается даже в стихотворениях-посвящениях, как, например, в стихотворении «**К.Д.Бальмонту**»¹²:

Из светлых звёзд приметил ты Венеру,
Владычицу пьянящих душу снов,
И сквозь свою земную атмосферу
Прозрел в ней блеск загадочных основ,
Но в этот час тоски и созерцанья,
Поднявшись от земли в ликующий простор,
Ты помнишь ли, что в храме мирозданья
Немало у неё чарующих сестёр?
Их вечное сияние – не наше,
Их вести мгле нам трудно понимать,
Хотя они, быть может, даже краше
Царицы звёзд, что – женщина, что – мать.
Взгляни, туман полночный серебрится
Святым огнём ещё других лучей,
И Вечный Бог так щедро не скупится
На пёстрый блеск для видящих очей,
Да только в нём нет сладкой, пьяной ласки,

⁹ Ю. Балтрушайтис, *Лилия и Серп*. Третья книга стихов. – Париж, 1948.

¹⁰ Ю. Балтрушайтис, *Дерево в огне*/ Ю.Балтрушайтис. – Вильнюс 1983, с. 141.

¹¹ М. Багдановіч, *Поўны збор твораў* / М. Багдановіч. – Мінск 1992, с. 119.

¹² О взаимоотношениях поэтов в 1899—1908 гг. см. подробнее в статьях Б. Мерзвинските «Ю. Балтрушайтис и К. Бальмонт: (Из истории русского символизма)» (*Literatūra* (Вильнюс). 1991, № 33 (2); *Русская литература*, С. 3-11; „Studia rossica posnaniensia” 1993, Z. 23, s. 31-39), а также в кн.: *Jurgis Baltrusaitis: Poetas, vertėjas, diplomatas*, Vilnius 1999.

А есть тоска, мучение креста,
Все ужасы Голгофской тёмной сказки,
Зовущие молитву на уста.
И в том, что ты прославил свет Венеры,
И в том, что у тебя небесно-строен стих,
Во всём, что у тебя превыше смертной меры,
В твоих устах, во всех делах твоих
Я узнаю влиянье звёзд других.

Стихотворение раскрывает не только мир К.Бальмонта, о котором с таким вниманием и восторгом говорит Ю.Балтрушайтис, но и его собственный мир. Ю.Балтрушайтис умеет подметить и «небесную стройность стиха» К.Бальмонта, отметить и женское начало как ведущее в его лирике. Он умеет понять и неповторимый бальмонтовский космос, «важнейшей ипостасью которого является человек, в своей неслиянно-единой, женско-мужской форме»¹³. Всё это лишь свидетельствуют о высоте внутреннего мира Ю.Балтрушайтиса, чистоте его помыслов и философском отношении к реалиям мироздания.

Лирика Ю.Балтрушайтиса – это своеобразная целостная система, в которой с любовью выписана каждая деталь. Особенно значимы сильные позиции (заголовки и эпиграфы, символика и система образов, изобразительно выразительные средства и лингвистические единицы), которые и формируют картину мира, его безмерности, бесконечности и вечности. Напрасно человек силится познать этот мир, это ему не под силу, важен лишь сам путь познания:

Какая боль, что грозный храм вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
Что скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века у двери роковой¹⁴

По этим ступеням земного пути и поднимается лирический герой Ю.Балтрушайтиса ввысь, в вечное небо (*Хотя б на миг измерить круг земной/ И всё пыланье неба надо мной*), ибо смысл жизни поэт видит в вечном движении и вечных противоречиях. Он как человек верующий славит в равной мере и капельку, и море, и полдень, и вечер, так как у Бога всё одинаково значимо (стихотворение «Аккорды»). Его герой умеет ценить землю, на которой живёт, и «безлюдный перевал», и «дыхание горней тишины», и «беспредельность звёздной ночи».

¹³ Там же, с. 178.

¹⁴ Ю. Балтрушайтис, *Дерево в огне*/ Ю. Балтрушайтис. – Вильнюс 1983, с. 30.

Ю. Балтрушайтис делает ещё одно важное открытие – «От Бога – о Боге – песня моя». Он, кажется, прогнозирует вечное: ведь известно, что всё – от Бога, и поэтический дар – тоже от Бога. А поэт – это лишь переводчик с языка небесного на язык земной. Если поэту дано свыше говорить с читателем языком души, то он всегда будет понят. И потому для Ю.Балтрушайтиса поднимается над обыденностью суждений, для него существует так называемая надъязыковая среда, где совсем неважно, на каком этническом языке говорит лирический герой, потому что язык у всех один – это язык души. Потому и утверждает Ю.Балтрушайтис, что *«Пред бездной мира разум безоружен»*¹⁵.

Особенностью сборника Юргиса Балтрушайтиса «Дерево в огне» является повторение и варьирование тем, мотивов, особенно мотива тоски и одиночества: «Я донесу до первых звёзд живой огонь тоски безгласной». В стихотворении «Вечерней песне!»¹⁶, оценивая человеческую жизнь, поэт утверждает:

*В земной тоске раскрыт весь мир широкий,
Вся Вечность – в ней*¹⁷

Тоской о Литве навеяны и строки стихотворения «Отчизна», в котором поэт восклицает:

*Вся жизнь моя – тоска по тайне звёздной*¹⁸

Мотив одиночества тесно связан с мотивом дороги, пространства, которые «слиты в круг нерасторжимый». Вечность для поэта – не только времена года, которые в первом сборнике соответствуют этапам жизни человека, не только годы, часы, но и драгоценные минуты, тот миг, который отделяет наше прошлое от будущего, жизнь отделяет от Вечности:

*За мигом миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает*¹⁹

Вместе с тем, поэт одновременно прослеживает путь человека на земле и в безмерном вечном пространстве, тем самым, утверждая их единство:

*И слиты в круг нерасторжимый
Различья, грани и меж*²⁰

Поэтому время является важной характеристикой поэтического мира Ю.Балтрушайтиса. Оно безмерно и вечно:

*Текут, текут песчинки
В угоду бытию*²¹

¹⁵ Тамже, с. 178.

¹⁶ Тамже, с. 72.

¹⁷ Тамже, с. 30.

¹⁸ Тамже.

¹⁹ Тамже.

²⁰ Тамже, с. 211.

²¹ Тамже, с. 126.

Мудрый Юргис Балтрушайтис в своём сборнике «Лилия и Серп», изданном уже после смерти автора, оставил потомкам философские советы:

«Будь твёрд, будь скор»²²

«Умей беречь, умей продлить

Из молний сотканную нить»²³

«Учись у пламени живого,

Как в час ущерба вспыхнуть вновь»²⁴

Стремись доверью к бытию не изменить»²⁵

Вечные темы жизни и смерти, мотивы одиночества, «тоска по тайне звёздной» присутствуют и в лирике одного из наиболее ярких поэтов начала XX века, белоруса Максима Адамовича Богдановича (1891-1917).

Несмотря на то, что Богданович владел белорусским языком не безупречно, он сознательно приобщал его к достижениям стихотворной формы и художественного стиля, осуществлённым в античной и западно-европейской литературах, в чём имел большой успех. Кроме того, он оставил немало подражаний и переводов.

На поэзию Богдановича повлияли произведения французских символистов, российских акмеистов. Однако он стремился к созданию собственной белорусской поэзии, органического слияния белорусских и зарубежных традиций. М.Богданович создал прекрасные пейзажи родной Белоруссии и внёс большой вклад в развитие поэтической культуры белорусского народа.

Подыми к небесам свои взоры
Подыми к небесам свои взоры –
И ты станешь опять, как дитя,
И затихнут больные укоры,
Пропадут, от души отлетя.
Ей не нужно ни счастья, ни ласки,
В сердце нет ни тоски, ни забот.
Ты – царевич мечтательной сказки.
Эта тучка – ковер-самолет.
(1909-1912)

Лирика Богдановича представляет собой принципиально новый этап в развитии белорусской поэзии. Если раньше белорусская поэзия, да и в целом, белорусская литература, строилась почти исключительно на местных, собственно белорусских

²² Там же, с. 187.

²³ Там же, с. 185.

²⁴ Там же, с. 192.

²⁵ Там же, с. 251.

сюжетах, разрабатывала почти исключительно местную тематику, то Богданович – поэт-интеллектуал привносит в неё всё богатство европейских художественных традиций. Он одним из первых в белорусской поэзии использует сложные стихотворные размеры и редкую строфику, пишет в жанрах триолета, рондо и ронделя, им созданы, может быть, лучшие образцы белорусского сонета. Богданович первым (или одним из первых) пишет верлибры на белорусском языке (стихотворение «Я хотел бы встретиться с вами на улице»). В его поэзию вместе с классическими формами стиха вошли многие образы и символы европейской литературы. Произведения поэта переведены на два десятка языков мира, публиковались в Великобритании, Германии, Польше, России, Франции, Югославии и других странах.

КОСТЕЛ (СВЯТОЙ) АННЫ В ВИЛЬНЕ

Чтоб заживить на сердце раны,
Чтоб освежить усталый ум,
Придите в Вильну к храму Анны,
Там исчезает горечь дум.
Изломом строгим в небе ясном
Встает, как вырезной, колосс.
О, как легко в порыве страстном
Он башенки свои вознес.
А острия их так высоко,
Так тонко в глубь небес идут,
Что миг один, и – видит око –
Они средь сини ввысь плывут.
Как будто с грубою землею
Простясь, чтоб в небе потонуть,
Храм стройный легкою стопою
В лазури пролагает путь.
Глядишь – и тихнут сердца раны,
Нисходит мир в усталый ум.
Придите в Вильну к храму Анны!
Там исчезает горечь дум.

(1911-1912)

Поэзия Богдановича крайне разнообразна по своему содержанию. Здесь и изысканная любовная лирика, и тонкие пейзажные зарисовки, и стихотворения гражданской тематики. Целый ряд его произведений посвящён прошлому Белоруссии и белорусской культуры: «Переписчик», «Летописец», «Книга» и др. В стихотворении «Безнадёжность» изображён крупнейший культурный деятель белорусского

средневековья – первопечатник Франциск Скорина. Однако изображён он здесь не за печатным станком и не с книгой в руках. Выпускник Падуанского университета, доктор медицины (доктор лекарских наук) посещает безнадежного больного; такой образ Скорины не встречался в белорусской литературе ни до, ни после М.Богдановича.

Социальной тематике, критике существующих общественных отношений посвящены у Богдановича такие стихотворения, как «Из песен белорусского мужика», «Пан и мужик», «Разговор» и мн. др. Будучи человеком демократических убеждений, Богданович сочувствовал тяжёлой жизни трудового народа, однако нигде в его стихах нельзя найти прямых призывов к насильственному переустройству жизни.

Одной из наиболее ярких тем в поэзии Богдановича является тема Родины. Ей посвящены такие стихотворения, как «Эмигрантская песня», «Как Базиль в походе умирал», «Белоруссия», «Антей» и мн. др. Вершиной патриотической лирики Богдановича явилось стихотворение «Погоня», написанное в 1916 году перед отъездом в Ялту. «Погоня» – это название старинного белорусского герба, на котором изображён белый всадник на красном поле. Это геральдическое изображение становится основой лирических размышлений поэта. Стихотворение получило широкую популярность, стало неофициальным гимном белорусского национального возрождения. Впрочем, таким гимном можно считать всё творчество поэта, так много сделавшего для белорусской культуры за свою недолгую жизнь.

Как видим, в судьбах литовского и белорусского поэтов было немало общего: оба тяжело болели, оба долгое время жили на чужбине. Богданович оставил этническую родину в пятилетнем возрасте, а Балтрушайтис в двадцатилетнем. Литовский поэт поступил в Московский университет и вскоре оказался в центре литературной жизни России. Он активно общался с русскими символистами В.Брюсовым и К.Бальмонтом, писал на русском языке. Известно, что и белорусский поэт Максим Богданович также интересовался современной русской поэзией. На занятиях литературного кружка он выступал с рефератом «Символизм и декадентство», а в 1916 году написал рецензию на сборник В. Брюсова «Семь цветов радуги».

Конечно, мировая культура, оказала влияние на белорусского и литовского поэтов. Они много читали, активно изучали зарубежную и русскую литературы, занимались переводами. Кстати, М.Богданович написал рецензию на перевод произведения Тагора, а редактором этого перевода был Ю. Балтрушайтис. Надо сказать, что в «Венке» М. Богдановича мы отмечаем наличие свойственных и Ю. Балтрушайтису тем, мотивов, образов, что позволяет нам сего дня говорить о творческом родстве в создании картины мира.

Языческий и христианский мир, мир традиций античной и византийской литературы и культуры оказали активное воздействие и на развитие белорусской

литературы XX века. Ярким примером может служить творчество белорусской поэтессы-брестчанки, человека нелёгкой, но прекрасной судьбы, женщины-героини Нины Матяш. Оно наполнено античными мотивами, сюжетами и образами. Лучшие её стихотворения проникнуты светлым чувством патриотизма, любви к Родине и её народу, оптимизмом.

Проникновенные слова любви к матери, слова признания возлюбленной звучат в стихотворениях Нины Матяш и волнуют по-прежнему современного читателя. Она – автор книг «Огонь» (1970), «Благодарность» (1973), «Приручение весны» (1979), «Август» (1985), «Поворот на лето» (1986) и др.

Воспитанная на традициях русского классицизма, поэтесса тянулась к культурам не только славянским, к культуре Российской в особенности (первое стихотворение было написано по-русски), но и западноевропейским, в том числе, и культуре Греции и Рима.

Нельзя сказать, что творчество Нины Матяш изобилует античными реалиями, но те немногочисленные античные мотивы, сюжеты и образы, используемые и интерпретируемые в её произведениях, достаточно выразительны, конкретны и значимы. Они свидетельствуют не только о глубоком познании белорусской поэтессы культуры Древней Греции и Рима, не только о широте её мышления, но и о поликультурности её мировосприятия.

Языческий и христианский мир обозначен и в интерпретации ею любовных сюжетов, мотивов и образов. В большинстве своём это образы античных богов. Характер лирического героя её любовных стихотворений близок характеру лирического героя античности, в частности, любовной лирике Сапфо, Мимнерма, Феогнида. Но любовная лирика белорусской поэтессы – это философские рассуждения, размышления о вечности жизни и любви.

В стихотворении «Амо Те» (1968г), взятом из сборника «Поворот на лето» (1986г.), поэтесса обращается к языческому миру, в частности, к традиции древних римлян писать на обручальных кольцах о том, что верность бессмертна, о признании в любви и клятве верности обоим молодожёнов. Эту формулу жизни Нина Матяш ставит в основу своего стихотворения – выводит в качестве эпитафии «АМО ТЕ, АМА МЕ, FIDES IMMORTALES»

(«Кахаю цябе, кахай мяне, вернасць бяссмертна», – пісалі старажытныя рымляне на заручальных пярсцёнках)²⁶.

Поэтесса уверена, что жизнь держится на любви, что счастливым может быть человек только тогда, когда он *умеет* любить, а это, значит, отдавать всего себя без остатка. Поэтесса гордится тем, что её народ, христиане-белорусы, сохранил

²⁶ Текст цитируется здесь и далее по книге Матяш Н.И. Поворот на лето. Вершы. Паэмы. Мн., «Мастацкая літаратура», 1986, с. 9-10.

эту древнюю античную традицию свадебного обряда: звон хрустальных бокалов, обмен жениха и невесты обручальными кольцами, как знак верности и вечной любви:

З Рыма, з даўніх-давён,
Праз стагоддзі-вякі,
У абрадавым звоне крыштальным
Прыкаціўся пярсцёнак
Да жаночай рукі,
Прыкаціўся пярсцёнак
Да мужчынскай рукі, –
АМО ТЕ,
АМА МЕ,
FIDES IMMORTALES.

Нина Матяш трансформирует в стихотворении имя античного бога брака Гименея для того, чтобы передать авторскую уверенность в неизблемости браков, которые всегда заключаются на небесах. Это помогает поэтессе убедить читателя в том, что брак по любви нужен влюблённым, чтобы раскрыть личностные качества каждого из супругов. И любить и быть любимым – это *великий труд* души и *великая ответственность* за судьбу дорогого тебе человека. Поэтому любовь – это и жертвенность, и *великое право*, данное судьбой каждому человеку.

Блаславіў Гіменей,
Абцяў Гіменей
Сонца, шчасце раскрыленых даляў.
І выстукваюць сэрцы
У цябе і ў мяне:
АМО ТЕ,
АМА МЕ,
FIDES IMMORTALES.

Заметим, что в языческом мире (в частности, Платон в «Пире») рисует любовь как гармонию, стремление к целостности, благу и бессмертию.

Рассуждая о человеческом счастье, Нина Матяш уверенно говорит о том, что оно невозможно без любви, а любить – значит, уметь достойно переносить и трудности, которые встречаются на жизненном пути каждого из нас. Она убеждена, что ни время, ни невзгоды не властны над настоящей любовью:

Па жыцці не прайсці,
Каб не зведаць бяды.
Нам бы ж толькі пярсцёнкі шапталі
Праз вясну і праз слоту,
Праз сівья гады:
АМО ТЕ,
АМА МЕ,
FIDES IMMORTALES.

Говоря о времени создания стихотворения (1968г.), следует заметить, что оно помогает понять основную идею произведения – *предостережение поэтессы от крушения любви в браке*. Нина Матяш вовсе не пессимистично воспринимает тот факт, что быт убивает любовь. Она уверенна, что если любовь настоящая, то мелочи быта не властны над ней.

Сильные позиции стихотворения (заголовок, эпиграф, первая и последняя фразы, ключевые и доминантные слова, антропонимы), являясь смысловым стержнем стихотворения, позволяют проникнуть в тему («Любовь») и идею («Настоящая любовь вечна») произведения. Например, заголовок («АМО ТЕ» («Кахаю цябе»)) – доминанта смысла всего текста, подчиняющая себе его построение, а, следовательно, и восприятие.

Это ключ к разгадке авторского замысла, потому что заголовок здесь обладает прогностическими возможностями. Вместе с концовкой он составляет композиционное кольцо; заголовок как бы камертон, настраивающий читателя на восприятие и определение идейного и эстетического содержания текста, на вывод по теме текста.

Круг образных ассоциаций здесь связан с рефреном «АМО ТЕ, АМА МЕ, FIDES IMMORTALES», который наиболее активно строит образ и указывает на духовную субстанцию.

Сильные позиции данного стихотворения – *кахаю цябе, кахай мяне, праз сівья гады*. Они позволяют выделить основную тему стихотворения: любовь обещает человеку счастье до глубокой старости. Перед лирической героиней проходит вся жизнь с тайнами, бедами горестями. Но они не пугают её, потому что она любима и любит сама.

Стихотворение состоит из 26 строк, объединённых в 6 четверостиший. Глаголы, характеризующие действия и состояния лирической героини (*прыкаціўся, блаславіў, абяцаў, не прайсці, не зведаць, шапталі*), усиливают динамику стихотворения: лирическая героиня в движении – она любит, выходит замуж, счастлива, потому что сумела сохранить любовь до глубокой старости.

Анализ ключевых слов каждой строфы позволяет скорректировать идею стихотворения, выявленную нами на основании сильных позиций – название стихотворения, начала и концовки стихотворения. Ключевое слово

- 1-й строфы – Рым, абрадавы звон;
- 2-й – пярсцёнак;
- 3-й – Гіменей;
- 4-й – вернасць;
- 5-й – жыццё;
- 6-й – сівыя гады.

Обряд, унаследованный нами от далёких предков, – свадьба со звоном хрустальным и обмен молодожёнов перстнями. Нина Матяш несёт читателю своё слово о том, что брак по любви, брак с той, которая предопределена Судьбой и благословлена Гименеем, может быть крепким и счастливым только тогда, когда он держится на верности и любви. Именно это и даёт человеку живительные силы, поддерживает в нём до глубокой старости «горение» души, а, значит, и жизнь. Читатель сопереживает, заражаясь настроением лирической героини, для которой любовь – это и есть жизнь.

Итак, античный мир и его реалии, введённые в текст Ниной Матяш, усиливают восприятие тонких душевных переживаний лирической героини, указывают читателю на значение вечных и непреходящих человеческих ценностей, на те традиции, без которых рушится настоящая культура и духовность любого народа. Языческий мир, как и христианский, даёт представление не только о любви, но и о любящем человеке. Говоря в своих диалогах, что «лучше любить, чем быть любимым», Платон, например, обращает внимание на то, что настоящая любовь требует от человека духовной работы, изменений, стремления к реализации своих идеалов. И в этом отношении любовь – это и то, что объективно существует, что вне человека. Наконец, любовь – это также и свойство личности, ценности и установки человека, переходящего к самостоятельному поведению. Любящий человек и в языческом, и в христианском мире воспринимается в качестве своеобразного философа.

Таким образом, богатые античные традиции были тем живительным источником, откуда брали один из своих истоков и славянские литературы. Античные реминисценции, заимствования, трансформация сюжетов мотивов и образов произведений древности, являются той функциональной частью, в которой поэты и писатели искали новые импульсы и подходы для достижения более эстетичной и идейной гармонии, соразмерности, сложной простоты. Далёкая античность с её чудесным миром образов, благодаря поэтическому таланту русских, белорусских, польских и украинских писателей вписывается в национальную реальность, а она

в реальную действительность, выходя на просторы мировой цивилизации, становясь её органической частью.

Заметим, что формы, образы, сюжеты, эстетически значимые мотивы, заимствованные из другой литературы, иногда не «приживаются», или не приобретают определяющей художественной ценности в национальном литературном эпосе. Но в славянской культуре, которая соединила в какой-то мере языческий и христианский мир, постигла античность, вечные ценности искусства и литературы Древней Греции и Рима, они только обогащают её.

Как видим, поэты предлагают читателю философское осмысление картины мира, отражающей историю народов и их характеры. При этом художественное произведение и творчество поэтов является тем межкультурным медиатором, который помогает каждому читателю формировать субъективную картину мира.

SUMMARY

Maria Zhigalova, Brest

Byzantine culture as a means of transforming the image of the world in the contemporary Lithuanian and Belorussian literature

Keyword: Byzantine Culture, Literature, Lithuania, Belarus

In article the problem of formation of a picture of the world as the phenomena of culture and human consciousness which norms can be transferred and acquired as system through various knowledge, samples of fiction is considered; the role of the literature as means of transformation of a picture of the world is marked.

On an example of interpretation and the analysis of products of Lithuanian poet J. Baltrushajtisa and the Belarus M. Bogdanovicha and N. Matjash it is shown, how the works of art written by them in Russian, have found in the world literature spiritual, moral and valuable value.